

А. С. Косинская

КОНЦЕПТ «РАДОСТЬ» В АВТОБИОГРАФИИ К. С. ЛЬЮИСА

76

Выявляются индивидуально-авторские значения концепта Joy / Радость в тексте духовной автобиографии К. С. Льюиса «Настигнут Радостью». Рассматривается соотношение индивидуально-авторских и национально-культурных значений концепта Joy / Радость в тексте К. С. Льюиса. Анализ выявленных индивидуально-авторских аспектов значения концепта позволяют сделать вывод об актуализации евангельского смысла концепта Joy / Радость и деактуализации секулярного значения концепта: радость как наслаждение, земное счастье.

The author's individual perception of the concept of Joy is identified in C. S. Lewis's spiritual autobiography «Surprised by Joy». The correlation between the author's individual and cultural-linguistic perception of the concept of Joy is analysed. The research shows that Evangelic meaning of the concept is actualized whereas a secular linguistic meaning of the concept of Joy as «pleasure, worldly happiness» is de-actualized in Lewis's text.

Ключевые слова: Клайв Стейплз Льюис, художественный концепт, радость, автобиография, художественный текст, значение, аллегория.

Keywords: Clive Staples Lewis, literary concept, joy, autobiography, literary text, meaning, allegory.

«Человек пронизан для культуры, более того — он пронизан культурой» [6, с. 42], — отмечает Ю. С. Степанов. «Основной ячейкой» культуры в ментальном мире человека, по мысли исследователя, является концепт. Широко известна мысль исследователя о концепте как «сгустке» культуры в сознании. «Концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не "творец культурных ценностей" — сам входит в культуру, а в некоторых случаях, — и влияет на нее» [6, с. 42].

Данное культуроцентричное определение подводит нас к понятию индивидуального, в частности художественного концепта. Согласно О. В. Беспаловой, «художественный концепт — это единица сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [2, с. 4]. Совокупность художественных концептов автора определяюще влияет на систему образов его произведений. А при анализе такого концепта, соответственно, акцент делается на индивидуальных особенностях его образного воплощения.

Наш интерес к эмоциональному концепту Joy / Радость в текстах К. С. Льюиса обусловлен тем обстоятельством, что данный концепт и соответствующая ему репрезентативная лексема (joy) выступают в текс-

тах писателя в специфическом, индивидуальном значении, при этом становясь ключевыми для выражения его философского и художественного мировидения. Об этой роли позволяет говорить уже тот факт, что слово *joy* вынесено в заглавие духовной автобиографии Льюиса «Surprised by Joy» (русск. «Настигнут Радостью»). Питер Крифт, американский философ, последователь идей Льюиса, убежден, что изучение его творчества целесообразно начинать именно с этой книги, которая, по словам критика, есть жизнеописание чувства, «удивительно объективная автобиография – почти философия радости» [5, с. 3].

Написанная в середине 1950-х гг., автобиография «Surprised by Joy» явилась своеобразным призывом, направленным против меланхоличности современного Льюису общества. Образ героя книги имеет два уровня бытия: внешний и внутренний – уровень интеллекта и уровень воображения. «Внутренняя», скрытая жизнь К. С. Льюиса, описанная в тексте «Surprised by Joy», – это «история того ощущения», которое он позднее назовет радостью. «How far the story matters to anyone but myself depends on the degree to which others have experienced what I call “joy”», – предупреждает читателя автор в предисловии [9, р. IX].

Концепт «Радость» выделен автором на трех уровнях текста «Surprised by Joy».

1. Название автобиографии К. С. Льюиса связано с образом персонифицированной Радости, способной «удивить» («Surprised») или «настигнуть» человека, даже застигнуть его врасплох. На уровне композиции в тексте «Surprised by Joy» мы имеем дело с двойным (фабульным) сюжетом. Автор-повествователь рассказывает сразу две истории, и, соответственно, мы можем выделить два плана: а) хронологический рассказ (со множеством умолчаний) об основных событиях жизни автора; б) история того опыта, который он назвал словом *Joy*. «From that first moment in the schoolroom at Chartres my secret, imaginative life began to be so important and so distinct from my outer life that I almost have to tell two separate stories» [9, р. 82]. Из этого следует, что воплощение изучаемого концепта определяет сюжетное построение второго плана повествования. Изначально первый и второй планы мало связаны друг с другом. Иногда рассказчик противопоставляет их. «The two lives do not seem to influence each other at all. Where there are hungry wastes, starving for Joy, in the one, the other may be full of cheerful bustle and success; or again, where the outer life is miserable, the other may be brimming over with ecstasy» [9, р. 82].

2. На уровне системы образов персонифицированный концепт *Joy* выступает в качестве аллегии. Об этом свидетельствует, в частности, метафора «visitation of Joy»: посетить человека может лишь живое сознательное существо. Другой пример персонифицированной *Радости* находим в главе «Checkmate»: «And nearly everyone was now (one way or another) in the pack; Plato, Dante, MacDonald, Herbert, Barfield, Tolkien, Dyson, Joy itself» [9, р. 262]. В образном сравнении с охотничьей собакой, поставленная в один ряд с любимыми авторами и просто друзьями Льюиса *Радость* – явно персонифицированный концепт.

Отметим, что концепт *Joy* воплотился и в жизни К. С. Льюиса. *Joy* — имя бесконечно любимой жены писателя Джой Дэвидмен. Работа над духовной автобиографией «*Surprised by Joy*» была закончена в 1955 г., когда Льюис уже был знаком с ней.

3. Приход Радости (*Joy*) является доминантным мотивом (лейтмотивом) автобиографии К. С. Льюиса «*Surprised by Joy*». Причем в своей доминирующей роли он неразрывно связывается с другим концептом — *conversion*, «переход» в общеязыковом значении и «обращение» в религиозном значении. Именно во взаимосвязи с *conversion* концепт *Joy* приобретает особое индивидуально-авторское значение и становится центральным в концептосфере книги К. С. Льюиса.

В предисловии к автобиографии К. С. Льюис связывает цель ее создания с понятием *conversion*: «The book aims at telling the story of my conversion and is not a general autobiography, still less "Confessions" like those of St. Augustine or Rousseau» [9, p. IX]. Завершая последнюю главу, Льюис отмечает, что указателем пути к обращению является *Радость / Joy*: «But what, in conclusion, of Joy? for that, after all, is what the story has mainly been about. To tell you the truth, the subject has lost nearly all interest for me since I became a Christian» [9, p. 276]. Становится ясным, что раскрытие художественного концепта *Joy* было темой (или задачей), но не целью создания книги. Целью же выступает раскрытие концепта *conversion* как «Пути в Иерусалим» (традиционный в христианской культуре символ Царствия Божьего), а концепт *Joy* реализуется как система знаков-указателей на этом пути. «But I now know that the experience, considered as a state of my own mind, had never had the kind of importance I once gave it. It was valuable only as a pointer to something other and outer. While that other was in doubt, the pointer naturally loomed large in my thoughts» [9, p. 276] (курсив наш. — А.К). Цель пути, в отличие от знаков *Радости*, не всегда была ясной («was in doubt») для повествователя. После обретения цели опыт *Радости* не прекращается, но теряет свою безусловную ценность, становясь предтечей обращения к Богу (*conversion*). Таким образом, мы можем выделить еще одно значение концепта *Joy*: *a pointer to transcendental / указатель, примета трансцендентного*.

Развивая данную идею, К. С. Льюис создает аллегорический образ странника, заблудившегося в темном лесу и разыскивающего указатели цели пути. Вспомним, что аллегория — один из любимых художественных приемов автора и одновременно предмет глубочайшего научного интереса Льюиса-ученого. Темный лес — достаточно прозрачная аллегория неверия, прекрасные указатели на серебряных столбиках-колоннах с золотыми буквами — опыт радости, сообщающий страннику долгожданную весть: «Мы будем в Иерусалиме», — аллегория обращения / обретения веры.

When we are lost in the woods the sight of a signpost is a great matter. He who first sees it cries, «Look!» The whole party gathers round and stares. But when we have found the road and are passing sign-posts every few miles, we shall not stop and stare. They will encourage us and we shall be grateful to the

authority that set them up. But we shall not stop and stare, or not much; not on this road, though their pillars are of silver and their lettering of gold. «We would be at Jerusalem» [9, p. 276–277].

Радость, по мнению Ю.Н. Афониной, является основой для понимания творчества и духовного развития Льюиса. В автобиографии «Настигнут Радостью» автор пишет слово *Joy* с большой буквы, «определяя это эстетическое переживание как термин, наполненный глубоким сакральным смыслом» [1, с. 268]. Этот смысл правомерно определить как предчувствие обретения веры.

Однако в духовной автобиографии «Surprised by Joy» концепт *Joy / Радость* воплощается не только в образной форме, но и в терминологически точном употреблении соответствующей ему лексемы. Так, по определению К. С. Льюиса,

it is an unsatisfied desire which is itself more desirable than any other satisfaction. I call it Joy, which is here a technical term and must be sharply distinguished both from Happiness and from Pleasure. Joy (in my sense) has indeed one characteristic, and one only, in common with them; the fact that anyone who has experienced it will want it again. Apart from that, and considered only in its quality, it might almost equally well be called a particular kind of unhappiness or grief. But then it is a kind we want. I doubt whether anyone who has tasted it would ever, if both were in his power, exchange it for all the pleasures in the world. But then Joy is never in our power and pleasure often is [9, p. 18].

Так автор еще раз особо выделяет концепт *Радость*, давая ему филологически точную дефиницию.

Концепт *Joy* в автобиографии К. С. Льюиса «охватывает» следующие значения: *a desire / желание; unsatisfied / неудовлетворенное; more desirable than any other satisfaction / важнее удовлетворения; a technical term / термин; not happiness / не счастье; not pleasure / не удовольствие; anyone will want it again / то, что хочется вернуть; a particular kind of unhappiness or grief / похожа на особую печаль; a kind of grief we want / те муки, которых мы жаждем; no one would exchange it for all the pleasures in the world / желаннее, чем все удовольствия мира; is never in our power / нам не подвластна.*

Выделив на основе авторской дефиниции в концепте *Joy / Радость* основные компоненты, мы можем сопоставить авторское значение концепта с общеязыковым или, в терминах Т.И. Васильевой, национально-культурным значением [3, с. 54]. Кембриджский толковый словарь выделяет три значения лексемы *Joy*: 1. *Great happiness*. 2. (*Br. Infml*). *Joy can mean success*. 3. *Joy is a person or thing which causes happiness or pleasure* [8, p. 770]. Очевидно, К. С. Льюис противопоставляет свое понимание концепта *Joy* общепринятому (национально-культурному) и именно поэтому дает ему собственное определение, подчеркивая, что в тексте его автобиографии *Joy / Радость* — это не *счастье / happiness* и не *то, что доставляет удовольствие / pleasure*. Указанное автором значение «особая печаль» («*a particular kind of unhappiness or grief*») в структуре значений концепта *Joy / Радость* отрицает возможность прочтения соответствующей лексемы в значении «успеха» («*success*»). Таким образом, можно говорить

о преобладании индивидуально-авторского плана над национально-культурным в структуре данного концепта. Именно поэтому К. С. Льюис и считает *Радость* термином, которому необходимо было дать определение.

Первый опыт радости связан с детским открытием аллегии красоты окружающего мира в искусстве (созданный старшим братом сад в коробке из-под печенья на мгновение открывает в Льюисе-ребенке тоску по раю) и призыванием К. С. Льюиса к филологии. «Первыми лучами радости озаряли любимые книги, прочитанные в детстве... Знакомясь с классической литературой, он обретал для себя вечную, неизменную и ни с чем не сравнимую радость» [1, с. 169]. Нельзя не согласиться с Ю. Н. Афоной в том, что данное переживание во многом определило внутреннюю жизнь автора, сформировало его эстетические взгляды. И все же *Радость* в понимании К. С. Льюиса не сводится к эстетическому наслаждению. «Joy is distinct not only from pleasure in general but even from aesthetic pleasure. It must have the stab, the pang, the inconsolable longing» [9, p. 82]. Отличая вслед за автором концепт *Радость* от эстетического наслаждения, можно заметить, что данный концепт скорее сродни открытию тоски по Небу в произведениях культуры.

Радость и боль (тоска, печаль) изначально являются базовыми антонимическими концептами. Концепты *Joy / Радость* и *happiness / счастье* в английском, как и в русском традиционном этно-культурном значении являются близкими, временами смежными [4, с. 174]. Их противопоставление, которое мы видим в автобиографии К. С. Льюиса, и одновременное сближение *Радости* с обычно противоположными концептами *the pang, grief / боль, печаль*, на наш взгляд, рождает новые смыслы изначального концепта *Joy / Радость*. Один из таких смыслов — тоска по неведомому Богу. На фоне эпохи Льюиса этот смысл можно определить как экзистенциальный и в то же время диалектический (сближающий противоположности). Именно открытие стремления к Богу и святости в литературе как предмете эстетического наслаждения и одновременно предмете исследований Льюиса-ученого рождало радость предчувствия обретения веры.

И все же литература не стала для Льюиса единственным и незабываемым источником радости. Переживание, испытанное при чтении, ускользало; становилась очевидной потребность в другом источнике вдохновения. Автор тоскует без опыта «живой» Радости: «...it is all a sandy desert. The authentic "Joy"... had vanished from my life: so completely that not even the memory or the desire of it remained» [9, p. 82].

Поиск утраченной радости становится темой саморефлексии и «важной составляющей внутренней жизни писателя, одной из причин непрестанной внутренней работы над собой» [1, с. 169]. Именно об этом К. С. Льюис позже напишет в своей автобиографии: «By the imaginative life I here mean only my life as concerned with Joy — including in the outer life much that would ordinarily be called imagination, as, for example, much of my reading, and all my erotic or ambitious fantasies; for these are self-regarding» [9, p. 89–90]. Таким образом, мы можем назвать еще одну характеристику концепта *Joy / Радость*: она не эгоистична и даже не сосредоточена на себе. Учитывая популярность фрейдизма по времена

Льюиса, следует особо отметить, что концепт *Joy / Радость* не связан с эротической сферой, что особо подчеркивает автор. «Joy is not a substitute for sex; sex is very often a substitute for Joy. I sometimes wonder whether all pleasures are not substitutes for Joy» [9, p. 197].

Таким образом, анализируя собственный опыт *Радости*, К. С. Льюис приходит к выводу о том, что поиск радости как внутреннего состояния является ошибкой духовной жизни человека. «It is a by-product. Its very existence presupposes that you desire not it but something other and outer. If by any perverse askesis or the use of any drug it could be produced from within, it would at once be seen to be of no value. For take away the object, and what, after all, would be left?» [9, p. 195]. *Радость* в понимании К. С. Льюиса истинна потому, что приходит извне, указывая на что-то отдельное от конкретной личности, запредельное. Так источником непреходящей *Радости* для автора становится Христианство, а сама радость — не целью, но явлением, сопутствующим истине, святости и Богопознанию. Цель радости — указать, позволить человеку почувствовать приближение святости, того, что родом из Царствия Божьего. «I met there all that had already charmed me in Malory, Spenser, Morris, and Yeats. But in another sense all was changed. I did not yet know (and I was long in learning) the name of the new quality, the bright shadow, that rested on the travels of Anodos. I do now. It was Holiness» [9, p. 207].

В этом смысле концепт *Joy / Радость* образует значение радости, которая является критерием истины. Такая радость открывает возможность интуитивного Богопознания. Радость как критерий истины оберегает человека, предостерегая его от зла. Описывая свой давний интерес к магам и спиритуалистам, К. С. Льюис замечает, что (персонифицированная) *Joy / Радость* не сюда его звала: «...at Oxford, I came to meet Magicians, Spiritualists, and the like. Not that the ravenous lust was never to tempt me again but that I now knew it for a temptation. And above all, I now knew that Joy did not point in that direction» [9, p. 206].

Таким образом, можно сделать вывод о принадлежности концептов «Святость», «Радость» и «Обретение Веры» к единому семантическому полю в художественном мире К. С. Льюиса.

Up till now each visitation of Joy had left the common world momentarily a desert... But now I saw the bright shadow coming out of the book into the real world and resting there, transforming all common things and yet itself unchanged. Or, more accurately, I saw the common things drawn into the bright shadow. Unde hoc mihi? In the depth of my disgraces, in the then invincible ignorance of my intellect, all this was given me without asking, even without consent [9, p. 209].

Радость, связанная с обретением веры в жизненном опыте К. С. Льюиса, подобно вдохновению, настигает человека внезапно, иррационально и даже вопреки его (осмысленной) воле. Мир, увиденный глазами измененного таким образом сознания, пронизан радостью. *Радость*, в свою очередь, становится благом, неотъемлемой частью Христианства: «I was now approaching the source from which those arrows of Joy had been sent on me since childhood» [9, p. 267]. Значение художественного

концепта *Joy / Радость* как блага, ниспосланного Богом, соотносится с пятой главой Первого послания апостола Павла к Фессалоникийцам: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе» (1 Фес. 5: 16–18). В первой главе того же Послания говорится о радости (новообращенных) христиан. «И вы сделались подражателями нам и Господу, приняв слово при многих скорбях с радостью Духа Святаго» (1 Фес. 1: 6). Поскольку *Радость* — это один из плодов Духа Святого, то рассмотрение соответствующего концепта в контексте обретения веры в Троидного Бога, характерное для художественной и апологетической мысли К. С. Льюиса, имеет самую прочную христианскую почву.

«Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона» (Гал. 5: 22–23). Таким образом, художественный текст К. С. Льюиса «*Surprised by Joy*» актуализирует евангельский смысл концепта *Joy / Радость* и, как показано выше, деактуализирует секулярное значение концепта: радость как наслаждение, земное счастье.

Список литературы

1. *Афонина Ю. Н.* Традиция Г. К. Честертона и «концепция радости» К. С. Льюиса // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. №1. С. 167–171.
2. *Беспалова О. В.* Концептосфера поэзии Н. Гумилева в ее лексикографическом представлении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
3. *Васильева Т. И.* Литературоведческий подход к изучению художественного концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. №7, ч. 1. С. 51–54.
4. *Кирьякова О. И.* Специфика переводов антонимов базовых лексем «joy» и «радость» в художественной прозе XIX в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. №4–2. С. 173–176.
5. *Крифт П.* К. С. Льюис: критическое эссе. URL: <https://azbyka.ru/fiction/k-s-lyuis-kriticheskoe-esse-piter-kriфт/> (дата обращения: 02.12.2018).
6. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.
7. *Трауберг Н. Л.* Несколько слов о К. С. Льюисе // Льюис К. С. Любовь. Страдание. Надежда : Притчи. Трактаты. М., 1992. С. 3–8.
8. *Cambridge International Dictionary of English.* Cambridge, 2002.
9. *Lewis C. S.* *Surprised by Joy.* N. Y., 2016.

Об авторе

Александра Сергеевна Косинская — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru

The author

Alexandra Kosinskaya, Postgraduate student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru